- приток в отрасль инвестиций;
- эффективное государственное регулирование фармацевтической отрасли.

Собственность и свобода

Омельченко Н.В.
Волгоградский государственный университет, Волгоград

Идеология капиталистического общества начинается с прокламации: собственность есть свобода. Собственность частного лица есть частная собственность. Как писал Ф.А.Хайек, «…частная собственность является главной гарантией свободы, причем не только для тех, кто владеет этой собственностью, но и для тех, кто ею не владеет. Лишь потому, что контроль над средствами производства распределен между многими не связанными между собой собственниками, никто не имеет над ними безраздельной власти, и мы как индивиды можем принимать решения и действовать самостоятельно. Но если сосредоточить все средства производства в одних руках, будь то диктатор или номинальные «представители всего общества», мы тут же попадем под ярмо абсолютной зависимости».

Фридрих фон Хайек по-своему прав. Однако здесь имеется и другая сторона. Примем исходную предпосылку: частная собственность есть основа свободы личности. Отсюда с необходимостью вытекает, что большая частная собственность обеспечивает большую степень свободы ее владельцу, а малая частная собственность дает лишь малую толику свободу. Отсутствие же частной собственности всегда означает отсутствие свободы личности. Следовательно, устойчивая интенция обладать частной собственностью означает человеческое стремление обрести свободу.

Если же иметь в виду, что «*заработная плата* идентична *частной собственности*», то выходит, что размер моей зарплаты определяет размер моей персональной свободы. Следовательно, те бизнесмены и руководители, которые не выплачивают своим работникам зарплату, лишают их свободы, т.е. превращают людей в рабов и выступают против основного принципа капиталистического развития: собственность есть свобода. Назначение же мизерной зарплаты есть обыкновенное издевательство над достоинством личности и также равносильно лишению свободы. Одним словом, такие предприниматели суть ретрограды, мешающие буржуазной эволюции общества.

С этой либеральной точки зрения первое условие достижения свободы в современной России – это значительное и постоянное увеличение размера заработной платы. Некоторые пропагандисты поспешно заявляют, что мы не выдержали испытания свободой и потому нам нужна новая диктатура. На наш взгляд, социальная ситуация прямо противоположная: мы еще не знали свободы, отвечающей человеческому достоинству. Таким образом, вопрос повышения заработной платы есть вопрос не только экономический, но глубоко социально-политический и, так сказать, антропологический, поскольку в конечном счете связан со свободой человека. Иначе говоря, согласно либеральной концепции, достоинство личности измеряется достойным счетом в банке.

Андрей Илларионов, советник президента России по экономическим вопросам прав, когда говорит: «Деньги – это отчеканенная свобода. Если у человека доходы отбирают, его делают несвободным».

На общей конференции Американской антропологической ассоциации (Вашингтон, 19-23 ноября 1997 г.) Нэнси Райэс из Университета Колгейта представила свой доклад «Недовольство посткоммунизмом в России». В нем, в частности, отмечалось, что высказывания типа «Люди, которые много работают, не получают ничего, тогда как те, которые совсем не работают, получают миллионы» сегодня в России можно услышать повсюду, и они выражают истинное состояние современной российской экономики. Огромное количество российских граждан -- учителей, врачей, ученых, рабочих – трудятся, месяцами не получая зарплаты, размер которой ниже или едва соответствует прожиточному минимуму. В то же время правительственные чиновники и бизнесмены разъезжают на последних моделях европейских автомобилей, обедают в пятизвездочных ресторанах и строят себе трехэтажные дачи в пригородах.

По мнению Н.Райэс, никто даже не сомневается в незаконности такой власти и такого богатства. «Однако один из парадоксов посткоммунистической России заключается в том, что очень трудно построить убедительную критику растущего социального неравенства: там, где импортные товары принимаются за символ «свободы», а любая попытка обличения классового расслоения содержит примесь тщательно высмеиваемого марксизма, как можно эффективно обсуждать социальную несправедливость?».

Если свобода есть атрибут личности, то без свободы (следовательно, как утверждает либерализм, без частной собственности) нет и личности. С этой точки зрения общество, где основная масса населения получает нищенскую зарплату, являет собой не что иное, как общество современных рабов. Вот почему либерализм с его акцентуацией на свободе есть весьма полезная вещь для сегодняшней России.

Вместе с тем следует отметить и теоретическую ограниченность либерализма. Например, в русской религиозной философии человека встречается более тонкое понимание человека. Так, согласно Н.Бердяеву, учение о человеке есть прежде всего учение о личности. Личность же не рождается, она творится Богом. «Личность есть целостность и единство, обладающее безусловной и вечной ценностью».

В этой связи подчеркнем: идея личности отменяет идею раба. Другими словами, если мы осмелимся в каждом человеке видеть личность, то мы не посмеем его держать за раба. Разумеется, идея личности может иметь и светское обоснование. Мы остро нуждаемся в метафизике уважения к человеку.

Кроме того, мы сплошь и рядом практикуем рабство по причине примитивных производственных отношений. Олвин Тоффлер в свое время писал: «…Труд был грубым и жалким в отраслях Второй волны, даже когда они были высокодоходные. В действительности грубость труда была обязательной со-

ставляющей прибылей. Чем больше вы выжимали пота из людей, тем больше денег вы делали».

По оценке американского социолога, если в старом массовом промышленном производстве главным были мускулы, то в развитых высокотехнологичных отраслях главными являются информация и творчество, и это изменяет все. «Грубость в процессе работы уже более не является прибыльной – она непроизводительна». Компании Третьей волны не увеличивают свои прибыли посредством выжимания пота из своих рабочих. Они достигают своей цели не тем, что делают труд более тяжелым, а тем, что работают более умело.

Все известные примеры процветания свидетельствуют прежде всего об успешной технологической революции. Будущее России неразрывно связано с научно-техническим прогрессом. Если мы и вправду пойдем по этому пути, то действительно попадем в новую экономическую эпоху с новыми социальными структурами и новым качеством жизни.

Однако не следует забывать, что собственность всегда образует фундамент власти. Именно поэтому правомерны нестареющий вопрос «кому выгодно?» и соединение политики с категорией интереса. Когда же собственность приравнивается к свободе, то оказывается, что власть есть свобода. Вот где, в частности, находится сильнейший источник человеческого стремления во власть! Если же иметь в виду соотношение «мера свободы определяет меру ответственности», то люди огромной власти будут нести огромную ответственность за происходящее в мире.

Либерал Хайек отмечал, что слово «индивидуализм» приобрело сегодня негативный оттенок и ассоциируется с эгоизмом и самовлюбленностью. Однако, по его мнению, именно индивидуализм, уходящий корнями в христианство и античную философию, впервые получил полное выражение в период Ренессанса и положил начало той целостности, которую мы называем теперь западной цивилизацией. «Его основной чертой является *уважение к личности как таковой* (курсив мой – Н.О.), т.е. признание абсолютного суверенитета взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования».

Очевидно, что в такой интерпретации понятие индивидуализма совпадает с понятием гуманизма эпохи Возрождения. Изъян подобного истолкования заключается в признании «абсолютного суверенитета» взглядов и наклонностей человека. Другими словами, «человек есть мера всех вещей». Но в таком случае кто может быть судьей в моих частных делах? Кто определит, что лучше – быть киллером или полицейским? Здесь сама личность решает, что есть хорошо и плохо, и ее решение оказывается абсолютно верным. Сколько индивидов -- столько мнений, а сколько мнений – столько истин. Таким образом, подобный индивидуализм оказывается софистикой.

Очевидно, что сегодня требуется новый гуманизм, апеллирующий к идее партнерства между человеком и природой, между государством и гражданским обществом, между властью и человеком. Метафизика уважения к человеку не означает ложного его возвеличивания. Уважение не терпит лести.

Если парадигма «человек – господин природы» устарела, то можно предполагать, что современная оппозиция господина и раба в социальных и межличностных отношениях также себя скомпрометирует окончательно. Идея свободы – великая идея XXI века.

Экологическая проблема в контексте развития нравственного сознания: В.С. Соловьёв и современность

Панищев А.Л.

И сотворил Бог человека по образу своему, по подобию Божию сотворил его… и сказал им Бог:…наполняйте землю и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всякими животными, пресмыкающимся по земле.

Библия, Бытие, 1 : 27-28.

В начале XX столетия проблема развития экологического сознания человека стала особенно актуальной. Никогда обозримая история не знала такой остроты экологических трудностей, как в настоящее время. Длительный период в обществе доминировало цикличное представление о времени, что ориентировало индивида на заботу об окружающей его среде. Разумное отношение человека к природе основывалось на религиозно-мифических представлениях о возобновлении его жизни в последующих циклах перерождения. Однако с распространением христианства в ментальном мире людей стало укореняться представление о линейности времени, акцентировавшее внимание человека на идее конечности его жизни на земле. Важнейшей особенностью концепции линейного времени оказалось то, что она предлагала индивиду идею двух форм бытия после телесной смерти, а именно: жизнь в раю или в аду, *tertium non datur (третьего не дано)*. Согласно же христианству, выбор одной из этих форм бытия человека всецело зависит от его образа мыслей и деяний во время земной жизни. Причём поступки индивида, соответственно его представлениям о жизни после смерти, также делятся на те, которые способствуют духовному спасению, и на те, что обрекают душу на абсолютную смерть. Исходя из этих представлений, человек постольку ценил условия своего бытия, поскольку последние удовлетворяли его насущные потребности. Е.А. Когай замечает, что в иудео-христианской традиции объекты природы лишаются своей самоценности, а их значение определяется в значительной мере степенью пользы для человека (Когай Е.А. Человек и природа: ценностные регулятивы экологического сознания, М.: Прометей, 2001, с. 46). Однако при утрате веры в спасение души происходило обесценивание и самого мира, в котором человек живёт. Поэтому принцип «после нас хоть потоп» был характерен для мировосприятия не только отдельных представителей власти, но и находил отражение в ментальном мире большинства людей. Собственно говоря, в общих чертах такое отношение к природе сохранилось и к началу XXI